

ГАЛЧЕНКОВЫ А. В. и П. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГАЛЧЕНКОВ Александр Васильевич. Учился в военном училище, в 1910 — исключен за неблагонадежность и отправлен рядовым в Курский полк, заболел там, был отправлен в психбольницу, после выздоровления освобожден от службы в армии, вернулся в Санкт-Петербург. В 1918 — воевал добровольцем в Красной армии, в 1921 — после демобилизации работал в Колпинской типографии и в Союзе печатников¹.

ГАЛЧЕНКОВА Павла Андреевна, родилась в 1892. Была в обучении у портнихи, помогала матери. В 1924 — вышла замуж за Александра Васильевича Галченкова, в 1925 — родила дочь, долго болела после родов.

В марте 1935 — высланы из Ленинграда в Вологду на 5 лет. В апреле 1935 — Павла Андреевна Галченкова обратилась к Е. П. Пешковой за помощью.

<10 апреля 1935>

«Комитет помощи политзаключенным.
Екатерине Павловне Пешковой.

Заявление

Я, дочь крестьянина Архангельской губ<ернии>. Отец служил в Ленинграде, получая 50-60 руб<лей>. Член Союза Приказчиков с 1905 г<ода>. Умер рано, оставив нас 5 человек детей у неграмотной матери — дочери каменотеса. До 12 лет я ходила в Ленинграде босая. Образования не получила.

Училась в ученье у портнихи. Мать занималась стиркой. Последнее время жили на Васильевском Острове, 14 линия, дом 63, кв. 9, где все это знают. Семья состояла: мать — Ольга Илинична Петровская (умерла в 31 году), брат Иосиф (погиб в Красной Армии в 1919 году), сестра Мария (секретная машинистка, умерла в 1931 году), сестра Ольга (там же и живет, работает в переплетной Академии Наук — рабочая переплетчица), брат Александр (тоже там живет — машинист Октябрьской железной дороги, 30-ти летний стаж, член ВКП (б).

В 1924 году, имея уже 32 года от роду, познакомилась с гражданском Александром Васильевичем Галченковым, сошлась, забеременела и зарегистрировались. В 1925 году я родила дочь Музу Александровну, но неудачно. При родах я получила полное заражение крови. Я лежала в Максимилиановской больнице, потом у бывшего профессора Отто, и в Обуховской, в общей сложности три года и почти все на спине <...> Что я перенесла на перевязках? Профессора Греков, Марковский, Кипарский, Бубличенко, Шустер — все удивлялись, как я выжила. Но это еще не все <...>

Кроме этих страданий пришлось перенести и нравственные, так как муж в конце концов не выдержал и имел другие связи, и жили вместе только из-за ребенка, которого оба любим.

25 марта сего года моему мужу А. В. Галченкову, в связи с чисткой Ленинграда, предложено НКВД выехать минус 15.

Что я знала о муже до женитьбы?

Худое:

1) Происхождение из бедных дворян.

2) Был 6-7 месяцев членом церковной двадцатки 13 летним, после чего стал неверующим и ушел от церкви.

3) Имел маленькую торговлю в течение 28 дней, будучи инвалидом.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1299. С. 75-79, 88.

Хорошее:

1) Исключен в 1910 г<оду> из военного училища, как неблагонадежный, и сослан из Ленинграда в 1910 г<оду> в Курский полк — рядовым, где был доведен до сумасшедшего дома, где и освобожден из службы в царской армии.

2) В Кр<асную> Армию пошел добровольцем с 1918-1921 г<одах>.

3) До последней минуты был лучшим производственным в Колпинской типографии и общественником в Обл<астном> группкоме Союза печатников.

Но в данном случае я говорю о муже, чтобы вы знали, что он сам ничего не понимает, что произошло, т<ак> к<ак> ему не предъявили никаких обвинений, и сообщаю о нем для информации.

Ужас заключается в том, что совместно с ним предложили выехать и мне, ничего меня даже не спросив.

Моя дочь 10 лет Муза, юное дарование — учится в Ленинградской консерватории, хронически больная, и вести ее неизвестно куда я не могла, и оставила в той же квартире, где мы жили, под присмотром чужих людей.

Прочитав мою жизнь, вы поймете, на что мне муж, и зачем я ему, когда я, не начав еще жить, сразу кончила ее. Я больная женщина, требующая постоянного надзора тех врачей-гинекологов, которые меня лечили, как пр<офессор> Бубличенко, лишняя для мужа в его положении, я чувствую, что я ему мешаю, в то время, когда у меня нет ни одной минуты покоя, что там брошен ребенок.

Дорогая Екатерина Павловна, ведь я чистая пролетарка, всю жизнь видевшая только нужду и страдания, — ведь это какое-то безумное недоразумение, ошибка, иначе я не могу думать. Я так много страдала, уже трудно сказать, сколько я выдержу разлуку с ребенком, который так дорого стоил.

Во имя пролетарской справедливости заступитесь за меня, помогите, чтобы мне разрешили, как пролетарке, вернуться в Ленинград к моему ребенку, брату и сестре.

Я умею шить и прокормлю себя и ребенка сама.

В Ленинграде я жила: Вас<ильевский> Остр<ов>, 6 линия, дом № 41, кв. 12.

Теперь проживаю: г<ород> Вологда, Кобылкинская 13. Павле Андреевне Галченковой.

Павла Галченкова.

Очень прошу ответить, что вы решили»².

В апреле 1935 — Павла Андреевна Галченкова обратилась с официальным заявлением в НКВД.

<17 апреля 1935>

«Г<ород> Москва

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Гр<ажданки>ки ПАВЛЫ
АНДРЕЕВНЫ ГАЛЧЕНКОВОЙ

Я, дочь крестьянина, Архангельской губ<ернии>. Отец служил в Ленинграде, получая 50-60 рублей. Был членом Союза Приказчиков, еще в 1905 г<ода> умер рано, оставив 5 человек детей.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1359. С. 83-84. Автограф.

СОСТАВ СЕМЬИ: мать прачка, дочь каменотеса — умерла. Брат Иосиф погиб в Красной Армии в 1919 году, сестра МАРИЯ — секретная машинистка — умерла в 1927 году, брат АЛЕКСАНДР — машинист Октябрьской жел<езной> дор<оги> с 30-ти лет<ним> стажем, кандидат ВКП (б) и сестра ОЛЬГА — рабочая переплетчица.

В 1924 году я вышла замуж за гр<ажданина> АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ГАЛЧЕНКОВА, от которого родила в 1925 году дочь МУЗУ. При родах получила полное заражение крови. Пролежала три года в больнице. Вся изрезана.

В 1932 году опять подверглась большой операции. Таким образом, замужем фактически я и не была, т<ак> к<ак> с 1925 г<ода> я была уже не женщина, муж имел другую связь, а жили вместе из-за ребенка и отчасти из-за жилплощади.

25 марта с<его> г<ода>, в связи с чисткой Ленинграда, мужу предложено выехать, минус 15, очевидно, за дворянское происхождение, несмотря на то, что при царе он пострадал как неблагонадежный, а в Красной Армии служил добровольцем три года и до последнего момента вел общественно-политическую работу, за что имеет различные премии и грамоты.

До 12-ти лет я ходила босая кругом Смольного института и смотрела в щели забора на тех институток, которые и сейчас еще спокойно живут в Ленинграде, а я, их портниха, выслана, или — жена ссыльного попа конт<ри>ка, распространяющая антисоветские слухи, живет и благодушествует в Ленинграде.

Почему меня не допросили — я бы порассказала кое-чего немало, но муж принес мне документ, по которому я была обязана ехать с ним в гор<од> Вологду, место, которое он избрал, и тем дело кончилось.

У меня дочь десяти лет, юное дарование — учится в консерватории, уже выступала на концерте в Доме Красной Армии.

Оторвать ее от муз<ыкальной> учебы накануне годичных экзаменов, вести в <нрзб.> в таких отношениях с мужем — было бы жестоко и неразумно, и мне пришлось оставить ее в Ленинграде одну под присмотром чужих людей.

Ведь я чистокровная пролетарка, всю жизнь видевшая только нужду и страдания.

Неужели я вечно должна быть привязана к мужу, несмотря на то, что я больная женщина, совершенно ему не нужна, и он мне тем более.

Во имя пролетарской справедливости прошу разрешить мне вернуться в Ленинград, в мою пролетарскую семью, к моему ребенку, который так мне дорого стоит, и которому единственно я нужна.

В Ленинграде жила: Вас<ильевский> Остр<ов>, 6 линия, дом № 41, кв. 12.

Мой адрес теперь: г<ород> Вологда, Кобылкинская ул<ица>, дом № 13, кв. 1

П. Галченкова.

гор<од> Вологда,
17 апреля 1935 г<ода>»³.

В мае 1935 — Павла Андреевна после официального развода с мужем вновь обратилась к Е. п. Пешковой.

<21 мая 1935>

«Политпомощь
Е. П. Пешковой

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1359. С. 65. Автограф.

Петровская Павла Андреевна,
быв<шая> Галченкова

К доп<олнению> моего ответа на В<аше> отн<ошение> от 23/IV-35 г<ода> № 3521.

Сообщаю, что мой муж Галченков А. В. со мной развелся и заявил мне, что пока я могу у него жить, но чтобы я не обижалась на него, если у него будет бывать женщина. Это в комнате-то 6 метров? К ребенку не пускают, муж не хочет со мной жить, потому что я больная, остается одно — наложить на себя руки и кончить все мытарства. Дорогая, отвечайте мне, пожалуйста, стоит ли жить и ждать помощи или всему конец. Мне очень тяжело, я совсем больная. Очень прошу ответить — помогите мне нравственно бороться, если бы не ваш ответ, я бы уже не выдержала. Простите меня.

Петровская Павла,
бывшая Галченкова.

21 мая 35 г<ода>.
г<ород> Вологда, Кобылкинская, 13»⁴.

В июне 1935 — к Е. П. Пешковой обратился с вопросами Александр Васильевич Галченков, муж Павлы Андреевны.

<5 июня 1935>

«Политпомощь
Е. П. Пешковой

На Ваш № 3521 от 23/IV-35 сообщаю, что 29-го сентября с<его> г<ода> я получил 3-х годичный паспорт. Моя бывшая жена также 29/IX получила паспорт на имя Павлы Андр<еевны> Петровской согласно представленного свид<етельства> о прекращении брака за № 35 от 14/IV.

Работая сейчас в Типографии, имею постоянные командировки по снабжению, в том числе и в Ленинград, Москву и др<угие> города. Работаю все время под исключительным страхом. Очень прошу найти возможность официально выяснить, имею ли я право с паспортом ездить в служебные командировки или отпуск в города, запрещенные мне для постоянного жительства. При отъезде из Ленинграда, Лен<инградское> Упр<авление> НКВД говорили, что можно. Также гр<аждан>ка Петровская П. А., находящаяся на иждивении брата, который в Ленинграде, имеет ли право ездить в Ленинград для лечения и к 11-ти летней дочери или это категорически нельзя, хотя по смыслу это противоречило бы факту выдачи паспорта.

По основному вопросу, о возможности гр<аждан>ке Петровской П. А. вернуться в Ленинград, могу добавить, что, имея с ней связь в 23-м году, я был женат. Будучи беременной, ее мать выгнала из дому, и ей ничего не оставалось, как поселиться у меня, женатого человека. Первая жена умерла спустя 4 года. Думаю, что этот факт более чем что-либо доказывает, что ее связь была чисто случайная, и совместная жизнь была только из-за ребенка и из-за жилплощади, которой она не имела. Я сейчас все время в командировках, и она, разведенная, одна, вдали от ребенка — трудно даже описать состояние человека, у которого нет цели жизни, в то время когда ребенок брошен, а работать она не может по своему болезненному состоянию. Буду бесконечно благодарен, если Вы сообщите о ходе ее дела.

г<ород> Вологда, Пролетарская, 73.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1359. С. 67. Автограф.

Александр Васильевич Галченков.
1/X-35 г<ода>»⁵.

В июле 1935 — Александр Васильевич Галченков вновь обратился к Е. П. Пешковой.

<20 июля 1935>

«На В<аше> отн<ошение> № 3521 от 23/IV с<его> г<ода>.
20/VII-35 г<ода>».

Уважаемая Екатерина Павловна!

Моя жена, Павла Андреевна Галченкова, подавала Вам заявление с просьбой помочь в постигшем нас обоим несчастье. Считаю своим долгом Вам сообщить, что положение ее здоровья настолько серьезно, что доктора не ручаются за положительный исход.

Надломленный организм, перенесенными болезнями после родов, в течение пяти лет, совершенно не выдерживает нравственных страданий — разлуки с дочерью, которая ей стоит жизни. Я до сих пор никому ничего не говорил о своих переживаниях, несмотря на то, что я страдаю совершенно нелепо из-за нечестных людей, которые исказили призыв правительства "Выше классовую бдительность" и стали заниматься сведением личных счетов, но я, во-первых, мужчина, во-вторых, люди, прожившие 17 лет под руководством Коммунист<ической> Партии (б<ольшеви<ков>) вообще не должны иметь страха, а в-третьих, мне не привыкать, я в царское время в 1910 г<оду> был выслан из Петербурга как неблагонадежный, и тогда мне было много хуже. Какая ирония судьбы! А потому вопрос о себе я не поднимаю, а вот жену жаль — зря умрет.

Жен я найду сколько угодно, но мать для ребенка, конечно, не найти, и в результате будет наказан ребенок — за что? Здесь имеются точные сведения, что в Воронеже 1-го июля всем ленинградцам выдали 3-х год<ичные> местные паспорта. В результате все поступили на работу, кто хочет, может ехать, куда угодно по делам, и все почти довольны, а в Вологде никто ничего не знает.

Ведь если бы жена могла съездить к дочери на 10-15 дней и полечиться, все было бы в порядке, а так человек гибнет и гибнет зря.

Екатерина Павловна, будьте так добры, сообщите мне, что есть какая-нибудь надежда на положительный исход ее дела или нет. Сообщите мне по адресу: г<ород> Вологда, Пролетарская 73, Александру Васильевичу Галченкову. Но жене отрицательного ответа писать нельзя — врач сказал, что первое сильное потрясение отправит ее туда, где нет вообще паспортов. Еще раз прошу не отказать ответить мне по существу вопроса.

А. В. Галченков»⁶.

В сентябре 1935 — Александр Васильевич, получив ответ на свое письмо от М. Л. Винавера, вновь обратился с мольбой к Е. П. Пешковой.

<1 сентября 1936>

«Добрый и сердечный человек
Екатерина Павловна!

Нет тех слов, которыми можно было бы выразить ту искреннюю благодарность, которую я и многие люди имеют к Вам. Пройдут года,

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1359. С. 59. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1359. С. 72. Автограф.

может быть, и века, а Ваше имя будет передаваться из уст в уста и займет соответствующее место в истории человечества.

Не думайте, что я хочу Вам льстить, мне это ничего не дало бы — это невольный крик души, крик благодарности человека, которому сейчас жутко тяжело. В 1910 году я был выслан из Ленинграда как "неблагонадежный". Физически было довольно плохо — меня довели до сумасшедшего дома и сделали калекой на всю жизнь, но я имел нравственную поддержку.

Через 25 лет меня высылают снова за "дворянское происхождение". Человек может переносить какие угодно лишения и даже муки каторги, если он знает, за что он борется, но когда тебя уничтожают те, кому ты предан всем своим существом, политику которых ты проводил на каждом углу в течение 17 лет — вот тут бледнеют все муки царской ссылки, и хочется громко кричать — товарищи, это не правда, я не тот, за кого вы меня считаете, меня оклеветали и оклеветали очень зло. И вот Вы первый человек, который оказали мне помощь. Дело не в том, дадут или не дадут паспорт, факт тот, что я увидел, что есть люди, которые читают мои заявления и хотят помочь, конечно, в пределах закона, и вот это дает огромную надежду — в светлое будущее, без которой жить и бороться очень трудно или, вернее, почти невозможно. Большое Вам спасибо.

Я до сих пор о себе не хлопотал, хотя имею веские реабилитирующие меня документы, боясь, что если мне откажут, то это может отразиться на деле моей жены. Положение ее очень плохое. Летом гостила дочь 10 лет 1½ месяца и теперь опять уехала. Живет одна, бывшая ее няня уходит на работу в 7 утра и приходит поздно вечером. Оставить здесь — это значило бы просто убить ребенка, т<ак> к<ак> условия, в которых мы живем в 8-ми метрах и протекающей крышей, кошмарны для ребенка, а главное, она хорошо идет в Лен<инградской> гос<ударственной> консерватории — уже на 4-м курсе 11-ти лет по классу рояля и оторвать от этого у меня нет сил — что будет, то будет. Мои хлопоты о паспорте отразились на здоровье жены, так как она теперь вообразила, что Вы, наверное, не будете за нее хлопотать, и все ночи плачет, что я ей испортил у Пешковой, что она теперь не будет для нее ничего делать и проч<ее>. В последнем, до предыдущего, письме исключительно внимательный тов<арищ> Винавер сообщил, что результат ее дела будет известен в сентябре. Девочка уехала с тем, что бедная мама к Октябрьским торжествам будет дома. Мне безумно тяжело страдать незаслуженно, но еще тяжелее видеть, что у меня на глазах умирает бедная женщина, которая виновата только в том, что в 32 года не выдержала и сошлась с человеком, который и сам забыл, что он имеет дворянское происхождение, а для нее я был доброволец Кр<асной> Армии и хороший работник и общественник — так чем же она виновата, тем более, что неудачные роды ее сделали получеловеком. Она так много перенесла физически, что врачи, как напр<имер>, пр<офессора> Буш или Бубличенко, — удивляются, как она жива и с таким надорванным организмом, конечно, ей не вынести разлуки с ребенком. Кому будет какой вред, что она будет жить в Ленинграде с ребенком? Ведь там ее брат, чл<ен> ВКП (б), сестра раб<очая>, племянник чл<ен> ВКП (б), и она единственно кому нужна, так это ребенку. Я не умею просить, но все мое желание убедить Вас помочь бедной девушке из пролетарской семьи, которую я вырвал 11 лет назад и которой, кроме горя и страданий, ничего не дал, а теперь она гибнет на моих глазах, как укор моей совести — но разве я так хотел?

Глубоко уважающий Вас

А. Галченков»⁷.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1359. С. 73-74. Автограф.